

Артем Тихомиров

Бестиарий

Глава 1

— Опять драка, — произнес Катафалк, сложив руки на столешнице, словно примерный ученик. — Третья по счету за месяц! За месяц!

Отрицать не буду. Драка. Третья. Это так же верно, как то, что мой левый глаз опух и отливает синим.

Впрочем, другому парню досталось куда больше, можете мне поверить.

— Ну, Столетов, о чем ты думаешь?

Столетов — это я. Зовут Ким. За имя спасибо работнику детского дома, который оформлял меня в журнале для новоприбывших.

Ким Столетов. Думаю, неплохо звучит. Отчество тоже придумали: Антониевич. Это куда хуже. Мой настоящий папа наверняка Антонием не был.

— Столетов! Где ты витаешь! — прикрикнул на меня Катафалк. — Я ведь с тобой говорю!

Я сидел напротив его стола на скрипучем стуле и ждал, когда можно будет уйти. Фокус в том, что если много не говорить, Катафалк быстро выдохнется, а если спорить, доказывать, мораль он будет читать час или два. Из всех директоров интернатов, где я жил и учился, этот был самым занудливым.

Встречались мне директрисы-истерички, директора-надзиратели из бывших военных или полицейских, но Катафалк переплюнул всех. Своей главной задачей он видел читать воспитанникам нотации.

Почему у него такое прозвище? Потому что всегда и везде наш директор носил черный костюм-тройку, отчего вид у него получался весьма зловещим. Когда Катафалк, он же Марк Алексеевич Панич, шел по коридору, дети старались убраться куда подальше. Если не нарвешься на замечание, то уж точно подхватишь неудачу, оказавшись рядом с ним... Не представляете, какими суеверными могут быть подростки.

В общем, я поднял глаза и посмотрел на директора.

— Хочу услышать твою версию событий, — произнес Катафалк с искренней надеждой в голосе.

Наивный взрослый. Наивный при все своем педагогическом и жизненном опыте.

— Ладно, — сказал я, вздохнув. — Корнеев, Букин и Желякин наехали на Вовку Сорина — в третий раз за месяц. Вовка Сорин не может драться с ними, он вообще по этой части ни бумбум. Пришлось мне опять ему помогать.

Панич хмурил брови. Все повторялось, как в плохом сне. В третий раз я сижу здесь и рассказываю одну и ту же историю.

Он не верит. Зря. Святая Троица, как все называли эту шайку гопников, никогда не стеснялась наезжать на тех, кто слабее, при свидетелях. В коридоре, в классе, в столовой — все едино. Они любили устраивать спектакли, им нравилось, когда на их «подвиги» кто-то смотрит. И чем больше народу, тем лучше. Поэтому Катафалк может спросить кого угодно и узнать любые подробности.

В этот раз Вовку подсекли у входа в столовую. Он парнишка рассеянный, очкарик, весь в себе. Не заметил, что его уже пасут, поэтому и вовремя сделать ноги не успел. Вовка — постоянный «клиент» Святой Троицы. Таким, как Сорин, по жизни достается больше всего.

— ...и ты напал на них... — подытожил мой рассказ директор.

— Марк Алексеевич, я не напал, а вмешался, чтобы Вовку не избili, — ответил я, стараясь изо всех сил держать себя в руках. Поверьте, это нелегко. Когда взрослый передо мной притворяется дураком, мои нервы не выдерживают. — Он бы в больницу угодил...

Бывает, я выхожу из себя с одного щелчка. Спросите у нашего психолога, загляните в мое личное дело — там все. Неуравновешен, возбудим, замкнут, малообщителен и все в таком духе. Ах да, наверное, и что-то вроде «склонен к насилию».

Преподы думают, я обожаю драки и конфликты, что я бунтарь, не признающий порядков.

Насчет второго я бы согласился, но насчет драк... просто не могу пройти мимо, когда такие деятели вроде Корнея отыгрываются на слабых. Тут в меня как демон вселяется. Прыгаю в бой, абсолютно не думая о весовых категориях и количестве противников. Например, в прошлом интернате налетел на четверых лбов, так потом две недели в больнице провалялся. По правде говоря, отделали неслабо. Но и им урок был. Никто не ушел без синяка, выбитого зуба или свернутого носа.

— Я в третий раз вам говорю одно и то же, — вырвалось у меня. — Почему вы не хотите ничего понимать?

— Они... утверждают обратное. — Катафалк откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди. Взгляд словно у Юлия Цезаря.

Я сердито дернул плечом.

— Да наплевать мне, что они говорят. — Я уставился на этого провинциального императора. Директора и препода не любили, когда я так делал. Математичка однажды сказала: «Слишком дерзкий даже для современных детей». — Вы на чьей стороне? — Мой вопрос бил прямо по лбу, заставляя директора краснеть.

Он сопел и прятал взгляд, склоняясь над столом. Его руки тянулись к папке с моим личным делом.

Мне это знакомо. Не удивлюсь, если прямо сегодня меня отсюда вышибут. В колонию для несовершеннолетних...

— Очень важно узнать все точки зрения, — завел Катафалк свою шарманку, — однобокие суждения только вредят делу. Ты согласен? Ты ведь умный мальчик.

Умный.

Я смотрел на него, стараясь оставаться спокойным.

— Так вот... — прибавил директор. — У нас всегда хватало проблемных детей, Ким, и ты не первый, и не последний. Ты, конечно, можешь думать, что совершаешь подвиг, защищая своего друга, но...

— Но? — с вызовом бросил я.

— Тебе достаточно было позвать кого-нибудь из преподавателей.

— Да ну!

Катафалк и раньше пытался убедить меня поступать «правильно». Если я вижу, как громили мутузят очередного тюфяка, я просто обязан бежать за взрослым. Ага, в теории все здорово. Препод придет, препод рассудит и накажет гопников... На деле так не получается. Мало того, что ты, выходит, стучишь, ты нарушаешь негласное правило: это свои разборки, внутренние. И потом: где и когда вмешательство взрослых приводило к чему-то хорошему?

Нет, справедливости тут не дождешься. И пока ты бегаешь за помощью, бедолагу так отделают, будь здоров. Я-то уж знаю. Паничу не понять, по каким законам мы живем. Точнее, выживаем в мире, где, по правде, никому не нужны.

Грустно, да? Согласен. Сирота рано познает законы бытия.

— Есть правила, Ким. Нравится тебе или нет, надо их соблюдать!

Ля-ля-ля. Знакомая песня. Я уже сбился со счета, сколько раз мне это говорили разные люди.

— Будь ты сто тысяч раз герой, Ким, у тебя нет права распускать руки.

— А им, значит, можно?

— Никому нельзя.

Я пожал плечами. Не имеет смысла что-то доказывать. Каждый останется при своем.

Думаете, если я упаду сейчас на колени и залью пол слезами, что-то изменится? Нет. На мне клеймо «проблемного», и это навсегда. То есть, пока мне не исполнится восемнадцать, и я не выйду на просторы самостоятельной жизни.

— Делайте что хотите.

Катафалк открыл мою папку и тут же закрыл. Потом открыл снова.

Нервничает, бедолага.

В тот момент мое сердце билось ровно. Что он может мне сделать? Чего я не видел?

— В общем, так, Ким. Слушай меня внимательно, — произнес директор замогильным тоном. — Теперь у тебя есть только два пути отсюда...

Конечно, подумал я. Очередной перевод.

— Либо комиссия, либо... — Катафалк бросил на меня многозначительный взгляд.

— Комиссия, я понял.

— Тебя, вижу, ничем не прошибешь. Ладно... Второй вариант — усыновление.

— Что?

Вот это было настоящим сюрпризом. У меня аж челюсть отвисла — на радость Катафалку. Получив свою дозу удовольствия, директор по-хозяйски потер ладони.

— Последнее было два года назад, но тебя вернули, когда ты поджог кухню и едва не спалил всю квартиру.

— Это не я. Кот!

— Кот или нет, не суть важно.

— Важно, — настаивал я. — Этот котьяра был настоящим злодеем, он невзлюбил меня с первой минуты. Я знаю, это он скинул полотенце с крючка на горящий газ!

Катафалк покачал головой, выставляя перед собой руки. Так он говорил: «Конечно, конечно, знаем мы твои сказки!»

На миг я увидел перед глазами темноту, но она быстро рассеялась.

— А еще до этого случая ты воровал деньги у прекрасных людей, что дали тебе кров, — прибавил директор. Каждое его слово было точно удар молотка.

— Неправда.

— Правда. Полицейские составили протокол, помнишь?

— Деньги мне подбросил их младший сын. Он...

— Прекрати, пожалуйста. Я и так трачу на тебя слишком много времени, Ким!

— Ваша работа — тратить на нас время, — проворчал я, краснея от злости.

Панич надул щеки.

— Не будем перечислять все твои подвиги. На этот раз комиссия не станет с тобой цацкаться. Принудительное лечение, перевод в интернат с жестким режимом — или даже в колонию для несовершеннолетних. Ким, я диву даюсь, почему ты до сих пор не там.

Вот в колонию мне не хотелось, скажу честно. Что угодно, только не в компанию с отморозками.

Катафалк смотрел в мою сторону, наслаждая победой.

— И другой вариант. Новая семья.

Я молчал, рассматривая носы своих старых кроссовок.

— Боюсь, для тебя это единственная возможность...

— Говорите, не надо ходить вокруг да около.

— За тобой приедут сегодня вечером.

— Что? А как же... знакомство? Вот так с бухты-барухты?

Директор развел руками.

— Так не по правилам, — заявил я. — Незаконно. Или вы решили меня продать?

Катафалк пропустил мои слова мимо ушей.

— Семья обеспеченная, у них еще трое приемных детей, свой дом, в котором много комнат. Доход стабильный, высокий, нареканий к ним со стороны органов опеки ни разу не было. Все формальности уже улажены.

Я не мог сидеть, поэтому вскочил со стула.

— Но почему мне ничего не сказали?

— Ким, сядь на место! — Директор ткнул в меня указательным пальцем. Пришлось выполнить приказ. — И с этого момента я тебе очень советую, от чистого сердца, вести себя хорошо. На твердую пятерку. Не подведи меня.

Я напрягся. В моей голове с бешеной скоростью вращались шестеренки: мозг работал над проблемой.

— Многие мечтали бы оказаться на твоём месте, поэтому, прошу, не корчи обиженного, — проворчал Катафалк, уже порядком взбешенный моим упрямством.

— Зачем им я? Хулиган, драчун, бунтарь? — Я хватался за соломинку, но чувствовал, что иду ко дну.

— Они берут умного и способного мальчика, — улыбнулся директор. — К тому же... у них есть опыт обращения с такими, как ты.

— Ну класс! Я отправляюсь в частную тюрьму для трудновоспитуемых!

Катафалк покачал головой. Оставалось еще фэйспалм изобразить для полноты картины.

Я понял, что назад пути нет.

Сбежать? Но куда? Из прошлого интерната я пытался дать деру, но добрался только до ближайшей железнодорожной станции. Полиция оказалась шустрее.

Выпрыгнуть с четвертого этажа, сломать ноги и попасть в больницу? Нет, с четвертого убьешься. Надо хотя бы с третьего...

Я прекратил перебирать дурацкие варианты, заметив, что директор смотрит на меня испытующе.

Конечно, Катафалк просто ходячая катастрофа и источник несчастий, его никто не любит, в основном, презирают, даже не боятся, он объект насмешек, но иногда... иногда его внутренняя сила просто сбивает тебя с ног.

Да, в тот момент я второй раз за время пребывания здесь почувствовал ее.

— Время шуток прошло, Ким. Решается твоя судьба.

Я моргнул, пытаюсь вникнуть. Обычно он изрекает нечто похожее по сто раз на дню, но сейчас все было по-другому.

Мне показалось, Катафалк пытается передать мне какое-то важное послание.

— И ничего нельзя сделать? — спросил я. — Совсем ничего?

— Нет. — Директор закрыл папку с моим личным делом и хлопнул по ее потрепанной обложке. — Не рассматривай это в качестве наказания. Новое усыновление — твоя возможность полностью изменить свою жизнь, так что воспользуйся ею. Другой может не быть. Если ты попадешь в круговерть разбирательств, если социальная опека возьмется за тебя всерьез, я уже ничего не смогу сделать. Будет только хуже.

Я же понимал, что он прав. Тысячу, миллион раз прав. И что, по большому счету, я веду себе как последний дурак.

Но ведь и меня понять можно... Со временем привыкаешь не ждать ничего хорошего от жизни, видеть все в черном цвете, каждую минуту быть готовым к очередной подлянке от преподавателей, одноклассников, соседа по комнате, от новых предков с их сердечной «заботой»... Просто не веришь никому, даже если тебе действительно желают добра.

Катафалк — он же, в сущности, добрый человек. Не его беда, что он часть системы, что зануда и моралист.

Я понимал, каковы мои шансы. Нет, других вариантов не нужно. Лучше какая угодно новая семья, чем перевод в интернат для «трудных», психушку или колонию.

Директор ждал достаточно.

— Согласен, — проворчал я, пряча взгляд.

Что он там говорил о новой семье? Свой дом? Комнаты?

В последний раз я очутился в каком-то городишке недалеко отсюда, в старом доме из панелей. Ужасное место, однако социальные работнички сочли, что для такого, как я, сойдет.

Я вздохнул, сказав себе: «Хорошо, будем продвигаться медленно и проблемы решать по мере поступления».

Катафалк с удовлетворением потер ладони.

— Отлично, отлично... Уверю, ты не пожалеешь.

— Как фамилия у них? — спросил я.

— Казанцевы.

Тоже вариант, неплохо. Помню, пацаны рассказывали, что одного бедолагу усыновила чета Пипкиных. На полном серьезе. И стал тот чувак зваться Леха Пипкин.

Однако свою фамилию — Столетов — я решил ни в ком случае не отдавать. Пусть что хотят делают. Меня зовут Ким Столетов, мне двенадцать лет (почти тринадцать), и предлагаю всем, кому не нравится, с этим смириться.

Марк Алексеевич еще говорил какое-то время, объясняя детали, словно я в этом деле новичок, а я кивал, стараясь не забивать голову. Отдамся на волю течения — будь что будет. Даже если мои новые предки отправят меня обратно, я воспользуюсь случаем пожить в нормальном доме. Может, там и готовят хорошо, по-домашнему.

— Итак... — Здесь случилось неслыханное. Катафалк поднялся, торжественный, словно на линейке, и протянул мне руку. — Мы договорились? Даешь слово, что будешь вести себя хорошо?

Я тоже встал и с трудом заставил себя не пялиться на него.

— Даю.

Мы пожали друг другу руки, как давние друзья. Я ожидал чего-то вроде теплой влажной ладони, но оказалось, ничего такого. Ничуть не противно. Может быть, в действительности Катафалк нормальный мужик? Это с нами он такой.

В общем, на столь радостной ноте мы расстались.

Глава 2

Я вышел из кабинета директора. В голове моей царил полнейший беспорядок.

— Ну что? — Вовка Сорин выскочил неизвестно откуда, заставив меня шарахнуться в сторону. — Как там? Сильно песочил?

— Да нет... — покривил я губу. — Слегка.

Вовка поправил очки, левая дужка которых держалась только на скотче, и замигал.

Жалкий он, дохлый, похож на котенка, промокшего под дождем. Не было здесь у бедолаги друзей, даже среди таких же неудачников, как он сам, поэтому Вовка с первого дня прилепился ко мне.

Я подумал, что с ним будет после моего отъезда, и мне стало противно. Корнеев сотоварищи из него отбивную сделают.

— Так что дальше? Что Катафалк придумал?

Я отошел к стене и прислонился к ней, чувствуя спиной прохладу. Мимо нас проходили и пробегали в обоих направлениях девчонки и парни. Сегодня суббота, занятий нет, поэтому большинство просто валяет дурака.

Святой Троицы, к счастью, на горизонте не видно.

И все же я не мог понять, почему директор относится к хулиганам с такой заботой. Почему подобные им всегда выходят сухими из воды? Логически рассуждая, Троице давно место в колонии.

Ход мыслей взрослых понять иной раз сложнее, чем самые замысловатые задачи по математике.

Вовка ждал ответа, и мне пришлось выложить всю правду. Бедолага опять замигал за своими очками.

— Ничего себе... Опять!

— Точно. — Я смотрел себе под ноги, мне было стыдно. Вовку ни разу в жизни не усыновляли, даже не включали в число кандидатов. Худ, физически слаб, зрение плохое — кому такой задохлик нужен? Думаю, промучается Вовка до восемнадцати лет и выйдет в свет сиротой, каким всегда и был. — Да ерунда это, — прибавил я, улыбаясь и похлопывая его по плечу. — Скоро обратно приду. Сам знаешь.

Он нервно рассмеялся. Я пошел по коридору в сторону лестницы, Вовка, постоянно озираясь по привычке, шел рядом. Походка у него был вихляющая, точно он не знал, как правильно управлять ногами.

— А кто тебя берет?

— Да какие-то Казанцевы. Не знаю, — бросил я небрежно.

Каждый встречный-поперечный смотрел на меня с любопытством и даже каким-то благоговением. Вот идет герой! Единственный, кто не боится выступить против Святой Троицы! Слово чтобы развеять любые сомнения, мой фингал светил, наверное, на целый километр.

Гордился ли я тем, что сделал? Нет. Просто так было нужно, и все.

Однако от славы не убежать: слабаки, ботаны, неудачники — эта часть населения нашего интерната едва ли не боготворила меня.

— Слушай, — сказал Вовка, когда мы поднимались по широкой лестнице на третий этаж, — слушай... — Он схватил меня за руку, побоявшись, что я пропущу его слова мимо ушей.

— Ну...

— Ты уж постарайся задержаться там, — сказал очкарик, с трудом подбирая слова. — Напрягись, Ким, чего тебе стоит? Живи как человек!

Я нахмурился. Шутит?

Нет, судя по лихорадочному блеску глаз за линзами, даже не собирается.

Сегодня определенно день Серьезных Разговоров...

— Не надо сюда больше возвращаться. Хватайся за этот шанс, ведь, сам знаешь, большаков редко берут, всем нужна малышня. А мы...

Не в бровь, а в глаз. Подростки, особенно, с моей репутацией неуправляемого, вообще никому не нужны. Я смирился с тем, что больше никто не обратит на меня внимание, однако новость Катафалка хорошенько врезала мне под дых.

И может быть, Вовка прав: надо постараться на этот раз не спустить в унитаз свой шанс. Задавить гордость, поумерить пыл, меньше злиться и обращать внимания на разные мелочи.

— Идем, — пробурчал я.

Вовка не сразу увязался за мной, но вскоре я услышал позади его дыхание.

Что ему сказать? Что обещать? Произносить речи не по моей части, я мастак по другой — по книжной. Жаль, нельзя было жить в библиотеке.

Кстати, туда я зашел в последнюю очередь, когда бегал с подписным листом.

Библиотека пахла бумагой, старыми книгами, уютный сумрак стоял между стеллажами. Впервые мы с Вовкой встретились здесь. Я прибыл в этот интернат в один день с большой

партией книг, собранных одной благотворительной организацией по какой-то там программе, и всю эту гору требовалось перенести в хранилище и помочь рассортировать. Катафалк, заметив, очевидно, как загорелись мои глаза, велел мне немедленно приступить к делу. И помощник нашелся быстро — Вовку угораздило в тот момент просто идти мимо нас.

— А вот тебе и подмога, — сказал директор тогда, ставя передо мной тощего, испуганно моргающего очкарика. — Ким Столетов — это Владимир Сорин. Знакомьтесь.

Мы церемонно обменялись рукопожатием.

— Значит, работаетесь, — хмыкнул директор и ушел. Нас, помню, тогда освободили от занятий. Чем не праздник?

Вовка тоже оказался книгочей, из той породы, что убегает от проблем в выдуманную реальность. А проблем у него было много. Хулиганы, неважная успеваемость, слабое здоровье. Из-за него, кстати, Вовка постоянно мыл полы в спортзале — был освобожден от нагрузок, но приставлен к швабре, точно в наказание.

Короче, тогда мы и подружались, и даже, к великому счастью для Сорина, стали соседями по комнате. Другом он оказался тихим, нетребовательным, незаметным, а значит, не раздражал.

Жанна Анатольевна, заведующая библиотекой, поставила свою подпись на «бегунке» и прослезилась. Пожелала мне удачи и чтобы я никогда не забывал этого места. Я пообещал, что не забуду.

Все. Последние книги сдал, теперь меня здесь ничто не держит. Я оглядел помещение, заметив нескольких третьеклашек за столами. Они украдкой посматривали в мою сторону, стеснялись.

То, что я люблю книги, всегда было предметом шуток у приятелей, но какое им дело? Девчонки вот тоже посмеивались, хотя и меньше. Среди моих одноклассниц было немало заучек, которые с маниакальным упорством грызли гранит науки в надежде когда-нибудь пробиться в ВУЗ. Достойная цель, что ж, но себя я там не видел. Да и куда поступать? Я понятия не имел, какую специальность хотел бы приобрести. Трудовик долдонил нам, что большинству из нас повезет, если мы попадем на завод работать. О большем, дескать, и не мечтайте, мозгов не хватит.

Ладно, я и не мечтал. Я хотел лишь, чтобы меня оставили в покое. Роль волка-одиночки мне всегда нравилась.

Вовка ждал меня за дверью, мы вместе отправились в столовку.

Каким-то образом весть о том, что я уезжаю, успела разлететься по интернату. Народ тут же стал липнуть ко мне с дурацкими разговорам и советами. Каждый встречный-поперечный теперь лез ко мне в друзья. Моя слава героя и счастливчика возросла многократно, и я просто не знал, что с этим делать.

В конце концов, я начал мысленно подгонять время, но оно словно решило пошутить надо мной. Вечер все никак не наступал.

Глава 3

Святая Троица, конечно, не могла пропустить такое веселье. Где они были весь день, не знаю, но к ужину гопники вернулись. Эти запах еды учуют за километр.

Вы бы видели их физиономии! Мой фингал был знатным, образцовым, но у Корнеева и Желякина дело обстояло еще хуже. Разбитые губы, брови, опухшие глаза, островки зеленки повсюду. У Букина левая рука висела на перевязи, нос походил на сливу. Они напоминали людей, переживших автокатастрофу или получивших набор зуботычин от банды в десять голов. Неужели это сделал один я?

Часто я даже не помню самих сражений, просто бросаюсь в бой очертя голову, не зная ни страха, ни сомнений. Знаю: если медлить, пострадает очередной Вовка Сорин или девчонка с книжками, чьи прыщи не понравятся вот таким «ценителям красоты».

Психологам я никогда не говорил об этой своей странности. Они взрослые, они не поймут, станут городить дурацкие теории и копать в моих мозгах. В конечном итоге, замордуют до смерти и отправят в психушку. Каждому известно, чем заканчиваются откровенные беседы с этой братией. В интернате, где я жил раньше, двоих парней отправили на лечение за излишнюю болтливость. Но они сами виноваты — нарушили главное правило: взрослый тебе не друг, держи с ним ухо востро.

Святая Троица появилась в столовой, когда мы с Вовкой уже сели за стол. Вскоре вокруг нас образовалась компания. Мои поклонники, большая часть которых и заговорить со мной побоится, пилились на меня, стучали ложками, прихлебывали чай.

Отовсюду раздавалась обычная болтовня, но на этот раз поводом почесать языком стал мой отъезд. Несмотря на то, что навещаются к нам много взрослых, на смотрины, но берут кого-то редко. И то, в основном, младших. Все-таки ужиться с семилеткой куда легче, чем с тем, кому почти тринадцать или кто почти выпускник.

В общем, я успел поболтать со всеми своими приятелями, выслушал кучу пожеланий в духе «не дрейфь, прорвемся» и собирался приступить к чаю, как появились они.

Святая Троица — старшие, из девятого класса, гроза интерната. Поэтому их так бесило, что я, семиклассник, смог уделать их, столь опытных и сильных.

Первым заметил Троицу Вовка. Издав трагический вздох, очкарик склонился над тарелкой. Надо съесть свою порцию быстрее, иначе можно было лишиться и ее.

Нахмурившись, я отодвинул посуду и взялся за чай.

В столовке к тому времени стало тихо, самые трусливые спешили убраться с пути Троицы куда подальше. Народ бежал, не желая попасть под горячую руку, если гопники разойдутся. А они разойдутся, у меня не было сомнений. У Корнея, вожака, физиономия напоминала табло, на котором любой мог прочесть без труда: «Ты мертвец!» Это он мне.

«Кишки выпущу, гад!» — светилось на морде Желякина.

«Заплатишь за все!» — сообщал опухший нос Букина.

Что до меня, то я был спокоен. Я не боялся их, ни раньше, ни сейчас. Другое дело, что могут пострадать мои друзья.

Те, кто не сбежал, ждали, что произойдет дальше. Большинство остались из чистого упрямства, другие из солидарности, кто-то, возможно, думал о возможности отделать Троицу всей кучей, пока есть шанс.

В воздухе носился запах драки, причем драки эпичной.

— Эй! — Корней остановился и ткнул в мою сторону пальцем. — Слышь! Разговор есть.

— Не надо, — испуганно прошептал Вовка, заметив, что я встаю.

Все — друзья и враги — смотрели теперь на меня с большим вниманием, точно перед ними иллюзионист, готовящийся исполнить самый удивительный фокус в истории.

Признаться, в тот момент я немного струхнул. Вообще, не очень уютно чувствую себя перед толпой.

— Короче, — промычал со злостью Корней. — Сейчас выйдем и все решим, понял? Только мы с тобой. Пока ты не свалил отсюда под бочок к новой мамочке.

Приятели Корнея ухмылялись.

Я поставил опустевший стакан из-под чая на стол и рыгнул. Погромче, чтобы все слышали. По столовке разбежались озадаченные смешки.

— Серьезно? Только мы?

— Отвечаю, — прогундосил Корней. — Пойдем за сарай, ты знаешь место.

Конечно, я знал. Там большаки курят, играют в карты, вообще занимаются всякой ерундой.

— Ладно.

Мои друзья загудели, зашикали, завертели головами.

Вожак Троицы явно не ожидал такого ответа — лицо его вытянулось.

Я же сказал себе: «Отделал троих, справлюсь и с одним. Напоследок кое-кто получит отличный урок...»

Конечно, я не превратился в супермена, просто хорошо чувствовал страх этого толстолобика.

Раз мне уезжать, Корней обязан оставить за собой последнее слово. Он хочет отметить меня, чтобы вернуть себе былой авторитет.

Ладно. Хочет драки? Получит.

— Ты с ума съехал, — прошептал Вовка, от страха едва не сросшийся со столешницей. — Это ловушка. Не ходи.

Но теперь меня было не остановить.

— Пойду, разомнусь на прощанье.

Вовка стукнулся лбом о стол.

— Через пятнадцать минут. Приходи один. Если кто-то увяжется, кости переломаю. — Взгляд, предназначенный толпе, по-прежнему не сулил ничего хорошего. Многие мальчишки стушевались, пожалев, что не смылись из столовой раньше.

Троица щедро раздавала свои фирменные устрашающие ухмылки.

— Пятнадцать минут! — сказал, поглядев на меня, Корней. — Не придешь, найду и прикончу...

— Смотри, сам не заблудись, — ответил я, заставив гопника вспыхнуть от ярости. Его пухлая, украшенная зеленкой физиономия, стала напоминать подушку.

Он хотел ответить, но в этот момент в столовке появился наш физрук, единственный препод, которого Троица боялась. Слово мелкие рыбешки при виде акулы, хулиганы юркнули в сторону, обогнули его и выбежали за дверь. Физрук усмехнулся, затем поглядел на нас: интересно, что мы тут замысливаем?

Я сел. Не хотелось разборок с этим недалеким человеком. Чем меньше его провоцировать, тем лучше для всех.

Пацаны загомонили вокруг меня, допытываясь, зачем я согласился, зачем рискую, советуя и строя планы.

Вовка сидел, красный, как помидор, и ковырял прыщик на лбу.

— Решено, — сказал я, обращаясь к ним.

Меня послушались, но кое-что продолжал настаивать на крайнем варианте: дескать, надо пойти всей толпой и задать Троице трепку.

— Нет. Если будет большая драка, вы ничего не выиграете, — сказал я, всматриваясь в лица приятелей. — Их объявят жертвами, вас зачинщиками и хулиганами.

— Что же нам делать, когда ты уедешь? — спросил Димка Петрищев.

— Держитесь вместе. Троица пользуется тем, что вы не стоите друг за друга, позволяете обижать тех, кто слаб. Вы и сами любите раздавать пинки ботанам, разве нет? Сначала прекратите подражать Корнею и его шайке, а потом... — Я не знал, что потом и просто пожал плечами. Пускай теперь сами думают.

Время шло, пора было собираться. У меня возникло чувство, что эти стены уже начали отталкивать меня, подгонять: «Уходи, уходи, ты уже не наш, ты чужой...»

Физрук стоял у раздаточного окошка, о чем-то болтая с толстой поварихой, и не обращался на нас внимания. Я двинулся к выходу, пацаны увязались за мной.

Глава 4

Сарай находился за кортом, где в сухую погоду мы гоняли в футбол и где проходила физкультура. Толпу своих поклонников — почему именно сейчас их стало так много? — я оставил возле него. Помня предостережение Корнея, строго запретил кому-либо идти дальше.

Толпа, в которую влилось немало любопытной малышни, с большим трудом устояла на месте.

— Давай, давай, — подогнал меня Желякин. Он сидел верхом на ограде корта. — Пора с тобой разобраться как положено.

— А как положено? — бросил я, проходя мимо.

Сидевший рядом с Желякиным Букин плевался скорлупой от семечек.

— Ты типа это... — сказал он, — не борзей, ага.

Желякин гнусаво рассмеялся и, махнув рукой, чем-то запустил в меня. Заметив краем глаза движение, я увернулся и понял, что это скомканный кусок жевательной резинки.

В тот миг каждая деталь этой картины мне виделась ярко, четко. Цвет, свет, очертания предметов... словом, как будто их умножили на десять. Даже мое движение оказалось столь стремительным, что возникло ощущение полета.

Всего на миг.

— Ого! Крутой чувак! — продолжал потешаться Желякин. Его приятель лыбился кривым ртом, на его нижней губе висели скорлупки от семечек.

На миг я замер.

Я чувствовал их запах — и не потому, что ветер подул в нужном направлении. Запах — каждый оттенок, каждый элемент. Пот, грязь, нестиранное белье, еда, да что угодно...

Я опешил. Порыв ветра донес до моих ноздрей волну новых «ароматов». На этот раз я чувствовал толпу, которую только что оставил позади. Не глядя мог сказать даже, сколько в ней человек.

— Шагай, пока не поддали ускорения... — Желякин расхрабрился. Очевидно, он принял выражение моего лица в тот момент за страх.

Но это был не страх.

Вот представьте, вам кто-то говорит, что вы выиграли сто миллионов. Какой будет ваша реакция?

Примерно то же случилось и со мной. А следом...

«Агерракх!»

— Что? — Я посмотрел по сторонам.

Желякин и Букин зашлись отвратительным смехом. Как же в тот миг мне хотелось расквасить их физиономии!

Но эта мысль пришла и так же быстро улетела. Что такое «агерракх»? Кто это сказал? И главное, почему этот голос прозвучал прямо у меня в голове?

Я заставил себя идти дальше. Пот пропитал мою футболку, хотя на улице не было особенно жарко. Сделав еще несколько шагов к сараю, я понял, что больше так остро не чувствую запахов.

И то слово — не пойму, в чем дело, но оно вдруг начисто забылось. Кажется, на «о»... или на «у» начинается?

До сарая оставалось шагов десять, я обогнул заросли крапивы и увидел Корнея. Тот стоял на углу, ждал меня.

— Быстрее начнем, быстрее ты отправишься в больницу, — сказал он и хохотнул над своей «крутой» шуточкой. — Давай, лапами шевели!

— Замолкни, — огрызнулся я.

— Или?.. — Ощерил Корней свои желто-черные зубы. Я и без острого нюха улавливал вонь, которая шла из его пасти.

Мы зашли за сарай, а я все думал о том странном слове. Почему мне вдруг так стало важно его вспомнить?